Марина БАЛУЕВА ОТЩЕПЕНЦЫ

Розово-белые хлопья яблоневого цвета неслышно заполняют борозды черной влажной земли, образуя длинные полосы. Похоже на снег. Нежный, светящийся. Весна.

В деревне, где вырос Алипий, каждый кусочек земли, выпростанный из-под тайги, обрабатывался и засевался. Поэтому даже под ажурной яблоневой кроной были борозды. И по весне они заполнялись лепестками.

Весенний сад вокруг деревянной избы часто снится Алипию.

Теперь он живет в большом городе, расположенном по обеим берегам широкой гладкой реки, но зовут его не греческим древним именем, а по-новому: Ли Кид номер четыре три нуля пятьдесят три и далее еще двенадцать цифр, которые надлежит помнить и каждый раз прибавлять к имени, официально представляясь или вписывая в документы.

Имя, данное при рождении отцом и матерью, признано устаревшим, неблагозвучным, странным и потому оскорбляющим слух. Алипию Тадичу не нравится его новое имя, но он

не может ни отказаться от него, ни забыть. Забывчивость чревата большими неприятностями.

Ли Кид ночует в мини-отелях. Так называются капсулы — не больше автомобиля, с постелью и компактным туалетом. Еще там есть маленький компьютер и запас фастфуда, порция которого исправно вылетает из специального отверстия в стене и приземляется в специальное углубление у изголовья. Если клиент голоден, конечно. И при условии, что включен компьютер и нет сбоя в работе рецепторов, реагирующих на выделение желудочного сока. Такие капсулы расположены по всему городу — для тех, кому нужен дешевый ночлег — для приезжих и бездомных.

В странах, объединенных в Свободный Социум, проводится политика заботы обо всех нуждающихся.

Для каждой новой ночи Алипий выбирает новую капсулу, каждый раз на противоположном конце мегаполиса, меняя сеть с вокзальной на сеть ночлежек, расположенных в торговых центрах или отправляясь в аэропорт. Он обходит стороной капсулы новейших моделей, снабженные

биометрическими рецепторами. Ему нужны старые, работающие только на обычных идентификаторах. Потому что идентификатор, вшитый ему в плечо два года назад — чужой. Человек, которому он принадлежал, умер. А любой биометрический рецептор сразу же передаст сигнал полиции о местонахождении его, Ли Кида под номером таким-то, сбежавшего с отведенного ему места жительства, не занимающегося социально полезными занятиями и отвергающего программу помощи, разработанную для таких, как он.

Алипий часто думает, что он будет делать, когда закончатся деньги на счете умершего человека — как тогда питаться и где жить — и не может ничего придумать. От этого все тревожнее его сон, и день ото дня все тоскливее его настроение. Но он молод, физически еще очень силен и старается не потерять надежду. Из конца в конец города он перемещается пешком, не пользуясь ни подземкой — удобной, чистой и красивой, ни скутерами, ни электромобилями, во множестве припаркованными вдоль улиц. Это экономия средств и дополнительная мера конспирации.

* * *

В тот день он решил переждать полуденную жару в парке. Это был старинный тенистый парк с современными скульптурами богов и героев, демонстрирующих развитую мускулатуру и могущество тел. Статуи были богато украшены стразами. Когда наступала ночь, стразы светились, и это забавляло публику так же, как и другая затея: улыбающиеся оптимистичные лица героев имели настоящие стеклянные глаза, способные фиксироваться на движущихся предметах так, как если бы статуя следила за вами. Это было новейшее достижение современной скульптуры. Вазоны и статуи в стиле барокко, в древние времена украшавшие аллеи этого городского оазиса, ныне решением ответственной комиссии по регулированию культурных споров были перенесены в специальное здание неподалеку вместо первоначального намерения вывезти их за пределы города. В парке было много удобных мест для возлежания — среди ухоженных кустов на мягкой густой траве, выращенной по специальной технологии, чтобы трава не пачкала одежду и служила для терапевтических целей, снабжая своей биологической энергией лежащего на траве человека. Насекомым, копошащимся в траве, по специальной технологии привито отвращение к человеческому телу, и они не беспокоят лежащего, выполняя в стороне свои важные экологические функции.

Алипий порадовался, что как раз накануне купил себе полный комплект новой одежды на полулегальной распродаже, так что дорогие с виду и модные брюки, рубашка, сандалии достались совсем за бесценок. Теперь у полицейских, отсматривающих каждый уголок парка у себя на пульте через множество микрокамер, регулярно

инсталлируемых в листья и кору деревьев с весенними соками,

не возникнет подозрений. Ведь плохо одетый человек, валяющийся в полдень на траве — это вероятнее всего бездомный, который уклоняется от программы роста, и его следует поймать и выпроводить за пределы города в специальное поселение, где он сможет этот рост осуществить под руководством обученных специалистов.

И

наоборот, хорошо одетый возлежащий на траве — это, по всей видимости, человек, активно занимающийся самосовершенствованием и потому достигший высокой степени права на досуг согласно выданному

ему сертификату. Полицейские думают так обычно. Человеку свойственно выстраивать схемы. Непредсказуемость утомляет. Более того — она пугает. Готовность лицом к лицу встретиться с феноменом жизни — удел немногих.

Еще Алипий порадовался, что установить биометрические датчики на деревьях пока не представляется технически возможным, как и считывать через листву данные идентификаторов. Только изображение. Но фотографии Алипия во взрослом возрасте у полиции не было. По счастью, когда его сфотографировали в полицейском участке Центра Идентификации и Классификации Новосибирска и он едва успел выйти оттуда с чипом в плече, как в полиции из-за аварии на распределителе погас свет, а молодая неопытная сотрудница случайно отключила в тот день программу аварийного сбережения данных. Повезло. Никто не знает теперь как выглядит Ли Кид.

Он надеялся на везение. Очень надеялся на ту невидимую руку, которая, казалось, хранила его и не раз избавляла от опасности. Вот и теперь он предполагал, и небезосновательно, что патрульные поленятся идти через парк выяснять его личность. Что они, положившись на внешнее впечатление, продолжат дуться в карты и попивать энергетический лимонад.

Людей в парке в этот час почти не было. Все усовершенствованные с сертификатами на продвинутый досуг имеют собственные сады. Если не большой вокруг дома, то уж точно маленький садик на крыше или совсем крохотный на террасе. И ни у кого нет желания предавать себя общественному обозрению, нарываться на патрульных и отчитываться перед ними. Впрочем, это — редкие жители города, кто заслужил разрешение на полную приватность своей жизни, на такое доверие общества, которое дает право не устанавливать микрокамеры в домах и квартирах. Такие

персоны насчитывались десятками всего лишь. И как им удавалось заслужить особые условия, оставалось тайной.

Алипий с наслаждением растянулся на траве и прикрыл глаза. Утро сегодня было трудным. Он вылез из жилой капсулы на рабочей окраине города, где было множество маленьких квартир в громадных давно не ремонтированных домах, сгрудившихся в темную массу. Эта масса выпускала и вбирала в себя ежедневно большое количество народу: операторов, регулировщиков, фиксаторов, дежурных, обслуживающий персонал отелей, вокзалов, аэропортов и большую социальную группу — муниципальных проституток всех возрастов и обоих полов. Капсула была грязная, пропахшая дезинфекцией и с неработающим компом; впрочем, пакет со съестным и жидкостью он извлечь смог, поработав немного отверткой, которую всегда носил в кармане. Глянцевое яблоко, фиолетовый помидор и колбаса со странным привкусом. Все это, уже кажется годичной давности, вызвало у него изжогу. Но он предпочитал окраины, так как здесь

легче было затеряться. И все же сегодня, выйдя после ночлега, столкнулся нос к носу с патрульным.

Молодой человек с гладко выбритым розовощеким лицом и бесцветными ничего не выражающими глазами, поигрывая небольшой эргодубинкой в правой руке, спросил вежливо:

— Господин СеверинОнно, позвольте поинтересоваться, что привело вас в этот район. Извините, но такой уровень обслуживания не соответствует вашему статусу, поэтому вопрос законный.

— Я работаю здесь, господин полицейский, — спокойно ответил Алипий. — Работа аналитика предполагает нахождение в самых разных местах. Иногда неожиданных, — он улыбнулся.

— Извините, — полицейский приложил руку к околышу фуражки, но на улыбку не ответил. — Можете идти.

Как хорошо, что в свое время в глухой деревушке, затерянной среди непроходимой тайги, его обучили языкам, в том числе и тому новоязу на основе английского, который был принят официально на всех территориях Свободного Социума. Как хорошо, что он знал хоть немного биографию СеверинаОнно, умершего от ран и истощения в госпитальной избе их деревни после того, как пробрался туда в составе группы беглецов. Северин, настоящее имя которого было Алехандро — талантливый ученый, философ и художник, достигший в Социуме высокого статуса аналитика, — решил бежать в Сибирь и был переправлен в тайгу с опытным проводником, но по дороге группа была обстреляна патрульными вертолетами. Его чип вшили Алипию, так как Ли Кид к тому времени уже числился в бегах. Разницу в возрасте и внешности Алипий в дальнейшем объяснял всем контролирующим инстанциям как результат омолаживающих технологий с изменением внешности, на которые статус Северина в Свободном Социуме давал право. Однако и Северин был уже под подозрением как не вполне соответствующий стандартам поведения и психологически необучаемый. Правительство Социума вынуждено было считаться с философами и художниками, хоть и

едва терпело их.

После встречи с патрульным Алипий почувствовал, как энергия покинула его. Требовался отдых.

Он лежал на небольшой полянке, живописно обрамленной кустами жимолости, и слушал пение птиц. Жимолость напомнила ему родную Сибирь. Увидеть это растение здесь в центре Европы было странно, и ему подумалось, что ландшафтный дизайнер, возможно, его земляк. Впрочем, сорт был местный и немного отличался внешне от привычного Алипию. С тех пор как родители отправили его в Свободный Социум изучать хирургию и он не ужился в этой стране, бежал и почти сразу же вынужден был вернуться под чужим именем на поиски старшего брата, пропавшего здесь бесследно с группой контрабандистов, с тех пор как он после безуспешных поисков понял, что и сам

теперь вряд ли сможет вернуться домой, с тех самых пор он грезил своим возвращением. Но время шло, и грезы все более казались несбыточными.

Сомкнутые ветви ближайших двух кустов зашевелились, вспорхнула испуганная овсянка, мелькая желтым оперением, и на поляне в десяти шагах от Алипия появился непрошенный визитер.

Это была девушка. Она, придерживая рукой ветку, застыла на мгновение, вглядываясь в молодого человека. Ее блестящие черные глаза округлились еще больше. Но через секунду выражение лица незнакомки стало как прежде невозмутимым и даже чуточку более надменным, чем раньше.

Миловидное скуластое лицо, круглые пытливые глаза и рассыпанные по плечам темные волосы выдавали в ней потомка азиатских народов с изрядной долей европейской крови. Впрочем, молодость и красота могли быть просто результатом омолаживающих процедур и корректировки внешности. Он все равно не мог знать достоверно, кто перед ним на самом деле. Красивая девушка или откорректированная старуха. Она была одета в тонкий белый хитон из натурального хлопка, стоивший целое состояние, и почти абсолютно прозрачный. Под нежнейшей кисеей не видно было белья, но обрисовывались контуры обнаженного тела, и первой мыслью Алипия было, что незнакомка имеет высокий статус секспромоутера.

Так называли в Свободном Социуме дорогих женщин по вызову. Но на правой груди ее под одеждой не светился и не сигналил красный маячок специального сканнера,

считывающего солидные суммы на личный счет красотке по мере предоставления ею услуг. В гетеры попадали выпускницы университетов после тщательного отбора. Занятие было престижным и очень прибыльным. В отличие от статуса муниципальной проститутки. Те были обязаны обслуживать всех по первому требованию за социальное пособие, начисляемое всем одинаково за вычетом штрафов. Штрафы начислялись за отказ в предоставлении услуг, за необучаемость новым технологиям, за склонность к депрессии и многое другое. Программа всеобщего сексуального удовлетворения, принятая парламентом Свободного Социума несколько лет назад, провозглашала равный статус всех и действие социального лифта для муниципальных, что было, конечно, только на словах и большинство муниципальных заканчивало свои дни в коррекционных кампусах или погибало на улицах от болезней и насилия. Росло количество самоубийств. К тому же спрос на доступные услуги почему-то стремительно падал. Люди или добивались разрешения создать семью, что противоречило политике правительства, или пускались в неслыханные извращения, пополняя информацией нелегальные сайты с криминальной хроникой. Правительство тщательно скрывало провал своей программы.

— Простите, уважаемый господин, я побеспокоила вас. Не ожидала здесь кого-нибудь увидеть.

Ее лицо ничего не выражало. Впрочем, это была распространенная в Социуме манера поведения вопреки размещенным везде призывам не стеснять эмоции. Программа развития эмоций, предполагавшая систему штрафов за их сокрытие, еще только набирала обороты, в то время как многие в парламенте продолжали доказывать неэффективность таких мер. Вопреки постановлению правительства эмоции тщательно прятались.

— Это вы простите меня, видимо я занял ваше место

— Я и правда люблю проводить здесь время, но вы мне не помешаете.

Она грациозно опустилась на траву и достала из складок одежды небольшую бумажную книгу.

Алипий смотрел на незнакомку с возрастающим интересом. В Свободном Социуме бумажные книги были неслыханной редкостью, атрибутом большой учености. Их почти не издавали, пользовались старыми, да и то уже и поговаривали о необходимости уничтожения запасов старых бумажных книг, бесполезно занимающих большие площади закрытых хранилищ. Население Социума и электронные-то книги читало редко, в основном пользуясь готовыми биосканируемыми аудиовизуальными комиксами, которые очень просто было получить: достаточно надеть на голову специальный шлем и прикрыть глаза. В деревнях таежной Сибири, где вырос Алипий, а также, по слухам, ещ е и на Урале книг было много. В домах и в избах, в землянках, трейлерах и вагончиках — везде были книги. Даже старые ветхие экземпляры ценились и бережно подклеивались. Ведь без книг невозможно было ни учить детей, ни обустраивать жизнь в трудных условиях. Любое знание имело цену. Учителями стали все сколько-нибудь образованные люди. Электроники, поступающей контрабандой из Социума, было мало, она часто ломалась. К тому же перебои с электричеством (которое добывалось в основном через ветряки, солнечные батареи и механическое верчение колес) делали использование электронных носителей проблематичным. Зато книги здесь читали все. Это был любимый вид досуга ребятишек и взрослых.

— Что вы так смотрите на меня? — голос у незнакомки немного дрожал, и интонация была взята высоковато. — Вас что-то удивляет? Какие-то подозрения? Давайте выясним, — с вызовом добавила она, округляя свои антрацитовые черные глаза.

— Нет, у меня нет никаких подозрений, — рассмеялся Алипий. — Я тоже люблю…

Ему не дали договорить. Как раз тогда, когда он собирался признаться, что давно уже ничего не читал, но очень соскучился по чтению, в центре поляны возникла голограмма человеческой фигуры в форме полицейского.

«Все-таки поленились сами подойти, запустили дорогущий голографический канал связи, — подумал Алипий. — Наверное, уже пьяные все».

— Госпожа Эва Сольми, — откозыряла фигура под протяжные глухие звуки искусственной речи. — Напоминаем вам, что вы отпущены для прохождения практики и если будете уклоняться от нее, то рискуете потерять свой статус и опуститься на несколько ступеней.

Щека девушки, полулежащей и обращенной взглядом на голограмму, стала красной, и на минуту Алипию показалось, что она с ненавистью смотрит на изображение. Но тут же Эва громко рассмеялась и жеманно произнесла.

— Офицер, вы нарушаете сценарий, — она облизнула губы и невзначай задела рукой свой кисейный хитон, обнажив стройные загорелые ноги, — вы некомпетентны в гендерных играх и не можете мне указывать, буду жаловаться на вас… — последнюю фразу она протянула томно глухим хрипловатым голосом.

— Прошу прощения, мадмуазель, — откозыряла фигура и повернулась к Алипию. — Всего хорошего, господин СеверинОнно.

Фигура растаяла в воздухе, а Алипий остался с неприятным и тревожным чувством, что его все-таки вычислили каким-то образом и все это становится похожим на слежку. Между тем девушка разглядывала его в упор, очень внимательно.

— Номер свой скажи, — потребовала она. Он приподнялся на локте и проговорил шестнадцать цифр, недоумевая.

Эва поднялась с земли, все так же внимательно глядя на него, подошла к нему и опустилась рядом на колени. Затем она улыбнулась, обняла его, повалив на землю. И ее губы впились в его губы, он почувствовал маленькие упругие груди у себя на груди, и ему ничего не оставалось, как только обнять ее в ответ.

Сердце сжалось от предчувствия разочарования, он подумал, что то, что произойдет сейчас, угробит еще одну надежду — пусть маленькую, но больших у него почти не осталось. Вместо близкой души, дающей силы и смысл жить дальше (именно это затеплилось в душе давеча под пение овсянок), рядом будет чужое тело, вызывающее из глубины его тела животные инстинкты и минутную сладость, а впоследствии пустоту, отвращение и стыд. Он представил, как будут наблюдать за ними в полицейском участке, ржать, похабно комментировать… Может, они именно с этой целью и напомнили ей о практике? Скорее всего, да…

— Нам надо уйти отсюда без подозрений. У меня дома нет микрокамер. Не спрашивай, почему, — она шептала ему в ухо, прерываясь на томный хохот и легкое повизгивание. — Подыграй мне. Выйдем из парка в обнимку. Мой собственный биокар у ворот. Отследить трудно. Пойдем ко мне. Я знаю, что ты из Сибири. Мне есть, что сказать тебе. Это очень важно.

Двухэтажный дом из розового туфа был едва виден из-за ветвей громадных вязов. Они поднялись по прохладной лестнице наверх и оказались в небольшой и совершенно пустой зале, одна стена которой была сплошь из стекла — темного, фильтрующего яркое солнце, другая была занята живописным полотном с изображением птиц — больших и маленьких. Причудливо переплетающих распахнутые крылья. Картина была необычной, приковывала внимание.

— Пойдем, — сказала Эва.

Он пошел следом за ней за створку красивой резной двери из какого-то светлого дерева, ступил в другую залу такого же размера, как и предыдущая и… провалился в пустоту.

* * *

Голова болела, во рту пересохло, язык казался распухшим. Похоже, он подвергся атаке парализующим полем. Установки, проецирующие это поле, были во всех домах совершенных свободных граждан, чтобы защититься от возможных проникновений тех, кто не хотел развиваться внутренне, кто нарушал правила Социума или придавал миру

предметному слишком большое значение. Не довольствуясь духовным как положено.

— Теперь говори всю правду, — Эва сидела напротив него, привязанного к стулу клейкой лентой, и ее черные глаза, проникающие ему в душу, были похожи на магические агаты.

— Какую правду? — спросил он.

— Я знаю, что ты не СеверинОнно, — она вскочила с места и топнула ногой. — Как ты присвоил его чип? Рассказывай немедленно, – голос у нее опять зазвенел.

Он пожал плечами насколько позволяли путы и подумал, что задействовать специального агента для поимки его, Алипия, всего лишь одного из множества отщепенцев, не представляющего никакой в сущности угрозы для Свободного Социума — это уже было бы слишком.

— Я… я убью тебя, если ты будешь молчать, — закричала Эва, и в руках у нее появился

старинный черный пистолет, дуло которого было направлено сейчас на Алипия.

— Убьешь? — переспросил он. — А труп куда денешь? Размелешь в биомассу, пустишь на удобрение для натуральных томатов или станешь обогревать им зимой этот милый особнячок? Или может поместишь в особую камеру для самоубийц, где они могут умереть не сразу, а постепенно и с пользой, отдавая энергию на исцеление кого-нибудь из ваших, совершенных? Давай, давай, убивай. Шлюшку из тебя уже сделали, но впереди еще много ступеней совершенствования — каннибализм, скотоподобие, упразднение духа. Вперед, красотка!

Эва слушала внимательно, потом опустила пистолет, губы ее задрожали, а из глаз покатились слезы.

— Я вижу, что ты не бродяга, не флибустьер и не агент. Но кто ты и как у тебя оказался этот чип? Поверь, мне очень важно это знать. Имя СеверинаОнно было присвоено моему отцу как более благозвучное вместо настоящего его имени.

— Алехандро де Санта Крус — твой отец? — воскликнул Алипий.

— Рассказывай, что ты знаешь о нем, — Эва подбежала к нему и опустилась рядом на колени, заглядывая в глаза.

Алипий молчал, стараясь глядеть в сторону.

— Он… умер? — девушка заплакала еще сильнее.

— Я этого не видел, — ответил Алипий, — но он был сильно ранен, в тяжелом состоянии.

— В таком тяжелом, что…

— Да, скорее всего он не выжил. Но точно я этого не знаю. Не видел.

Эва опять заплакала, потом стала рассказывать, сидя на полу возле стула, к которому по-прежнему был привязан Алипий.

— Моя мать родилась в Китае. Но массовые казни и узаконенный каннибализм заставили ее вместе с родителями бежать на территорию Свободного Социума, где она повзрослела, получила образование и где ей было присвоено имя Рут Сольми. Очень скоро беженцы поняли, что в Свободном Социуме действуют те же правила, что и в жестоком Китае, просто прикрыто все флером цивилизации и фразеологией, но по сути — то же самое. Однако деваться было уже некуда. Мои родители встретились и полюбили друг друга. Однако по правилам СС они не могли заключить брак не пройдя экзамена на принадлежность к определенной страте, и я родилась вне закона. Не попасть в воспитательный детский кампус мне помогло лишь то, что дед к тому времени

имел высокий статус, он был ученым-биологом и его знания были необходимы при разработке некоторых биотехнологий. Поэтому меня оставили с матерью. Отец имел достаточно высокий статус аналитика, но все менее соответствовал ему, так как его отчеты и публичные выступления все менее соответствовали стандарту. Его картины вообще никому не были нужны, здешняя элита украшает дома наностразами и аляповатыми голограммами со спецэффектами, отдавая дань живописи лишь из лицемерия и то не всегда.

— Это его картина в холле?

— Да. Он задумал бежать в Сибирь, эту маргинальную область за Уралом, населенную беженцами со всех концов света, живущую продажей ресурсов и контрабандой натуральных продуктов в обмен на технику и электронику. Несмотря на трудности быта и видимость хаоса там была жизнь, а не эта мертвечина, только внешне комфортная. Однако он пропал на той территории. Известия не приходили, и моя мать покончила с собой. К тому времени я уже заканчивала университет, и мне предложили карьеру секспромоутера. Я согласилась. Так как это дает

некоторую

реальную свободу. К тому же отказ был бы расценен как отступление от стандартов свободного поведения. Теперь у меня есть этот дом, счет в банке, биокар и собственный вертолет.

В этот момент за окном послышалась сирена и в центре зала, где они вели беседу, появилась фигура в полицейской форме.

— Вы обязаны выйти за ворота и подойти к патрульной машине в течение получаса… вы обязаны… — фраза была повторена несколько раз, затем фигура исчезла.

Эва посмотрела на Алипия.

— Они будут ждать полчаса, потом начнут штурмовать дом. Надо запереть все входы, чтобы на каждую дверь уходило время, и мы успели бежать, — сказала она, распутывая

клейкую ленту.

— Бежать из запертого дома? — усмехнулся Алипий. — Ваши технологи уже преуспели в дематериализации человеческого тела? Куда зашел прогресс!

— Во-первых, не мои технологи, — сказала девушка сердито, заканчивая свое занятие. — Во-вторых, не надо иронизировать напрасно. Лучше дослушай до конца. Этот дом построен на месте старинного монастыря, снесенного за ветхостью вопреки протестам экспертов по культуре. Но в подвале есть доступ к подземному ходу, который в старые времена вел за город и помогал бежать в случае осады. В одной из ниш подземного хода спрятаны в особой капсуле картины моего отца. Я исследовала ход дальше. Он в приличном состоянии, только кое-где надо ползти, но хорошую одежду можно взять с собой и переодеться перед выходом.

Все это она говорила, увлекая его по анфиладе комнат и вскоре они очутились в полуподвальном помещении, где Эва переоделась в эластичный спортивный костюм из тончайшего кашемира и протянула ему пакет с таким же безразмерным унисекс-костюмом. Потом она открыла массивную дверь с помощью поворотного механизма, замаскированного в стене так, что после их ухода преследователи увидят только каменную кладку. Наверху уже слышался топот шагов.

— Но куда мы выберемся сейчас? — спросил Алимпий, когда они спускались по сырой лестнице с фонарем, которым Эва освещала путь.

— Мы выйдем на стоянку с общественными электрокарами. Вряд ли они заблокировали мой транспортный счет, они ведь ищут меня в доме, да и пользуюсь я в основном собственным биокаром. Далее, подъезжаем к стоянке, где находится мой вертолет. Главное, действовать быстро.

— А куда мы полетим?

— Хороший вопрос, — ответила она язвительно. — Можно подумать, у нас есть выбор.

Осторожнее, смотри — поворот.

— Послушай, — сказала она, когда вертолет, дрожа и позвякивая, поднялся все же благополучно над большим старинным городом с красивой спокойной рекой, и вокруг уже было безоблачное голубое небо. — А что все-таки означает твое странное имя?

— По-гречески это значит «не имеющий печали», — улыбнулся он.